

РАЗДЕЛ VI.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

УДК 070

Л.С. Выгон

Томский государственный университет

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СВОБОДЫ СЛОВА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.И. НОВИКОВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В данной статье автор обращается к периоду зарождения свободы слова в России в последней трети XVIII века и в этом контексте рассматривает задачи, которые ставил перед собой великий русский просветитель, публицист и издатель Н.И. Новиков, чья деятельность пришлась на указанный период. В статье приводятся свидетельства Новикова, отражающие нравственно-этические представления, лежавшие в основе его работы, формулируются проблема и задачи дальнейшего исследования в рамках обозначенной темы.

Ключевые слова: Н.И. Новиков; Екатерина II; свобода слова; просвещение; исправление, смягчение нравов.

Present essay is dedicated to aims and goals that great Russian enlightener, writer and publisher N.I. Novikov set to himself under the context of Freedom of Speech forming in Russia (the last third of the XVIII century). The essay gives illustrations of Novikov's reflection on moral and ethical concepts which lay at the heart of his works, also presents the problem and objectives for further research within the indicated theme.

Keywords: N.I. Novikov; Catherine II; Freedom of Speech; Enlightenment; improvement of morals and manners.

ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVIII ВЕКА представляет собой уникальный период в истории русской журналистики и развития общественной мысли. «Это время было и эпохой наибольшего за весь XVIII в. массового свободомыслия, возможность свободного высказывания которого облегчалась отсутствием официальной цензуры и указом о вольных типографиях», — так характеризует этот период исследователь О.Б. Лебедева, называя также это время эпохой гласности [1. С. 167].

Активная публицистическая деятельность, открытый обмен мнениями, дискуссии по самым значимым вопросам современной общественной жизни, доступные всякому грамотному жителю столиц, а иногда и

провинции, — всё это как явление впервые возникло в зарождающейся русской журналистике с подачи императрицы Екатерины II. При этом, однако, очевидно, что, вызывая к жизни последователей своего листа «Всякая всячина», Екатерина не предполагала, что критика их окажется острой и злободневной, что они выйдут далеко за те рамки «улыбательной» сатиры, которые обозначила «Всякая всячина», и что вместо планировавшегося влияния на умы просвещённой части сограждан ей будет дан жёсткий и весьма аргументированный отпор.

Основным оппонентом Екатерины II в этой полемике оказался Николай Иванович Новиков — один из самых значимых деятелей российского просвещения, публицист, издатель нескольких сатирических журналов (среди которых наиболее яркими считаются «Труть» и «Живописец»). Именно его выпады задевали императрицу особенно остро. Роль Новикова в истории русской просветительской мысли, однако, не ограничивается исключительно публицистическими выступлениями. Понимая, что выступления эти при всей их смелости не могут найти широкого отклика в малограмотной и непросвещённой среде, он поставил перед собой задачу изменить саму среду. Обратившись к книгоиздательству, он в разы увеличил тиражи вверенной ему типографии Московского университета и фактически создал систему распространения книжной продукции в самые отдалённые уголки Российской империи — т.е. внедрил культуру чтения в быт высшей прослойки общества.

При этом нельзя не отметить, что вся просветительская деятельность Новикова стала возможной только в условиях нарождающейся относительной (журналы Новикова перед выходом в печать проверялись цензором Академии Наук) свободы слова, появившейся и

исчезнувшей по воле императрицы. В связи с этим значимым представляется исследование вопроса о том, как воспринималось явление свободы слова самим Новиковым и обществом, его окружавшим, определялось ли это явление каким-либо образом или использовалось неосознанно, понималось ли оно как некая ценность, а также как и с какими целями оно использовалось самим Новиковым.

Если первые два вопроса требуют широких развёрнутых ответов, то последний вопрос можно попытаться кратко осветить в рамках данной статьи. О том, какие задачи ставит перед собой издатель «Трутня», мы можем узнать уже из первого «листка» журнала. Эпиграф, открывавший издание на протяжении 1769 года, «Они работают, а вы их труд ядите» (строка из басни А.П. Сумарокова «Жуки и пчелы»), — ясно давал понять, что журнал обращён к высшему сословию — дворянству, и что образ этого дворянства в глазах автора издания крайне негативен. «Трутень» не пытается понравиться, он как бы заранее предупреждает читателя о своём недовольстве пороками общества, которому адресованы его статьи. При этом в «Предисловии» к журналу в первом номере издания Новиков смягчает резкость эпиграфа, называя главным трутнем и ленивцем самого себя:

«Я знаю, что леность считается не из последних пороков; знаю, что она непримиримый враг трудолюбия; ведаю, что она человека делает неспособным к пользе общественной и своей участью; что человек, обладаемый сим пороком, недостоин соболезнования; но со всем тем никак не могу ее преодолеть. Порок сей так мною овладел, что ни за какие не могу приняться дела и для того очень много у себя теряю. <...> Часто по целой неделе просиживаю дома. Для того только, что лень одеться. Ни с кем не имею переписки затем, что лень не допускает. От лености никакой еще и службы по сие время не избрал: ибо всякая служба не сходна с моею склонностию».

Интересно здесь и то, как ловко Новиков использует манипулятивный приём присоединения, хорошо известный психологам и психотерапевтам, — не начинать с прямой критики, но приравнять себя к пациенту, таким образом как бы говоря: «я тебя понимаю».

Однако дальнейшее рассуждение Новикова о видах службы — военной, приказной, а особенно придворной — показывает, что за «леностью» автора скрывается неприятие других пороков, связанных с исполнением той или иной работы. Причём пороки в данном случае не называются пороками напрямую, а показываются как необходимые качества для исполнения службы:

«Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо в высшем степене, нежели сколько должно знать ее актеру: тот притворно входит в разные страсти временно; а сей беспрестанно то же делает; а того-то я и не могу терпеть» [3].

То есть, якобы критикуя себя за леность, автор разворачивает перед нами картину бесперспективности с

точки зрения карьерного роста, стоящую перед ним и его поколением (тема актуальна и поныне — сегодня это модный термин «отсутствие “карьерных лифтов”»).

При этом, наговаривая на себя как на человека, повинного в крайней лени, Новиков вновь обращается к словам Сумарокова, противопоставляя таким образом своё «порочное» поведение деятельности литератора: «Без пользы в свете жить, тягчить лишь только землю». Далее (к концу предисловия) формулируется истинная причина, побудившая Новикова издавать журнал, — исправление нравов:

«Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу моим согражданам <...> сам я, кроме сего предисловия, писать буду очень мало; а буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы, в прозе и в стихах; а особливо сатирические, критические и прочие, ко исправлению нравов служащие: ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу; а сие-то и есть мое намерение» [3].

Конечно, давая новую отсылку к своей мнимой лени и утверждая, что писать он будет мало, Новиков несколько кривил душой, втягивая читателя в литературную игру и выступая на страницах журнала под разными масками. Безусловно, главной задачей такой игры было защитить издателя в случае недовольства цензуры его материалами, но кроме того, она позволяла представить на страницах журнала большой спектр персонажей и характеров, типичных для своего времени и легко узнаваемых («Лечитель», «Щеголиха», «Молодая сочинительница», «Путешественник» и др.).

Возвращаясь к вопросу о задачах, которые ставил перед собой Новиков сначала как издатель журнала, а позже и как книготорговец и просветитель, нужно отметить, что полемика с Екатериной II, которая отзывалась о своём критике как о «злонравном человеке», помогла выработке этих задач, их чёткому оформлению. Так в 32-м листке «Трутня» появляется «Разговор» «Я и Трутень», в котором автор повторяет упреки «Всякой всячины» в адрес новиковского журнала и сам же на них отвечает:

«Трутень
Да ведь и знатные господа такие же, как и мы, человеки и, следовательно, тем же подвержены слабостям. Так как же ты хочешь, чтобы они не делали ни малейших погрешностей; <...> По твоему мнению, знатный господин должен быть больше человека.

Я
Нет: я хочу, чтобы он был только человек, но человек, поелику отличен от прочих знатностию своего сана, поелику бы отличался и добродетелию; чтобы, восходя на степень знатности, не забывал, что те бедные, от коих он отличен, остались еще такими же бедными и что они требуют его помощи, так же как и он сам требовал, в подобном находясь состоянии; чтобы не затворял своего слуха от просьбы бедных и тем не скучал, что он может делать добро, чтобы старался о благосостоянии государства больше, нежели о самом

себе, и чтобы не откладывал того до завтра, что нынче может сделать, ради того, что нужда времени не терпит» [4].

В данном диалоге примечательна фраза о состоянии бедности, о котором знатым господам говорится, что они «в подобном находились состоянии». Здесь необходимо задаться вопросом о том, какая именно бедность имеется в виду. Получается, фразу можно трактовать двояко: во-первых, это может быть отсылка к Манифесту о вольности дворянства — и в этом смысле Новиков напоминает дворянам, что ещё совсем недавно они и сами были не так свободны, как теперь. Во-вторых, и это, пожалуй, важнее в контексте деятельности Новикова, — речь идёт о невежестве, недостатке знаний, интеллектуальной бедности.

«...Мотив “худого воспитания” и его следствий: фигуры учителя, недостойного своей профессии и его “худовоспитанника” — ключевые в портретной галерее порочных персонажей “Трутня” и “Живописца”, — пишет О.Б. Лебедева [1. С. 185]. Действительно, материалы Новикова и других авторов его журналов (авторство некоторых публикаций до сих пор находится под вопросом, в частности «Письма к Фалалею» исследователи, и в их числе О.Б. Лебедева, приписывают Д.И. Фонвизину) часто дают неприглядную картину дворянского образования в России, подчёркивая при этом ценность самого образования.

Так, в «Разговорах» «Между россиянином и французом» и «Между немцем и французом» (опубликовано в журнале Новикова «Кошелёк») читателю даётся образ учителя-француза. Из его разговора с немцем мы узнаём, что в Голландии этот француз был парикмахером, приехав же в Россию с рекомендательным письмом от случайного русского приятеля, был радостно принят обществом и получил должность воспитателя в некоем благородном семействе. О своей новой должности он отзывается так:

«Какая мне нужда, что они ни за что станут бросать свои деньги, лишь бы я получил оные. Добрые ли будут иметь склонности воспитанники мои или худые, для меня это всё равно <...>. Глупо делают родители их, что поручают воспитание детей своих мне; а я, напротив того, делаю очень умно, желая получать деньги даром» [5. С. 48].

В этом же диалоге, через оппонирующего французскому немца, даётся и представление Новикова о ценности образования, и его понимание достойного «социального лифта»: «никакого бесчестия не делает низкое состояние. Я сам сын деревенского попа, обучался в университете и наконец удостоен профессорства» [5. С. 46].

Таким образом, красной нитью через деятельность Новикова — и как публициста, и как издателя (а позже и как книготорговца) — проходит мысль о необходимости образования, просвещения и жёсткой критики пороков для исправления нравов, избавления дворянства от их дикости. Именно через такое исправление нравов, по мысли Новикова, произойдёт рост благосостояния государства в целом.

Очевидно, что свобода слова есть непереносимое условие для того просвещения, о котором мечтал Н.И. Новиков, поэтому изучение его деятельности в контексте осознания обществом ценности свободы слова представляется автору данной статьи интересным и значимым.

Литература:

1. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М. : Высш. шк. : Изд. центр «Академия», 2000. 415 с.
2. История российской журналистики. XVIII век: Хрестоматия: В 2 ч. / авт.-сост. А.Г. Алтунян. Ч. 1. М. : Изд-во УРАО, 2002. 180 с.
3. Новиков Н.И. Предисловие // Трутень. Еженедельное издание на 1769 год месяц май. URL: <http://rvb.ru/18vek/novikov/otext/01prose/01.htm> (дата обращения 09.10.2014).
4. Новиков Н.И. Разговор // Трутень. Лист XXXII. ДЕКАБРЯ 1 ДНЯ. URL: <http://rvb.ru/18vek/novikov/otext/01prose/01.htm> (дата обращения 09.10.2014).
5. Русская сатирическая проза XVIII века : сборник произведений / сост., авт. вступ. статьи и комментарии Ю.В. Стенник. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 448 с.